

Жан ЖОРЕС о Ж. - П. МАРАТЕ

фрагменты из «Социалистической истории Французской революции»,

том 3 («Республика. 1792»)

перевод с франц. под общ.редакцией д.ист.н. А.В.Адо

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#)

Из главы 4 «СОЦИАЛЬНОЕ и БРОЖЕНИЕ и ПЛАНЫ “АГРАРНОГО ЗАКОНА”»

МАРАТ и ПРОЛЕТАРИИ

Еще накануне 10 августа Марат от имени бедняков испускал крики гнева, отчаяния, выдвигая требования, которые на следующий день после победы народа 10 августа легко могли обернуться угрозой «аграрного закона». Революции никогда не достигают победы, писал Марат 7 июля, «если против высших классов борется плебс, то есть только низшие классы нации. В момент восстания он может подавить своей массой; но какого бы преимущества он вначале ни добился, он всегда в конечном счете терпит поражение; потому что, будучи всегда лишенным просвещения, знаний, средств, оружия, руководителей, планов действий, он не имеет средств защиты против заговорщиков, вооруженных хитростью, лукавых и коварных... Если же люди образованные, зажиточные, интриганы из низших классов выступали вначале против деспота, то лишь для того, чтобы затем повернуть против народа, после того как они завоевали доверие и использовали силу народа, чтобы самим занять место изгнанных ими привилегированных сословий. Таким образом, Революция была совершена и поддержана только низшими классами общества, рабочими, ремесленниками, розничными торговцами, земледельцами, теми несчастными, которых бессовестные богачи иначе не называют, как канальями, и которых надменные римляне называли пролетариями. Но чего никогда нельзя было бы предположить, это что Революцию совершили исключительно в выгоде мелких земельных собственников, легистов, приспешников крючкотворства».

Во вторник 10 июля из уст Марата опять вырывается жуткий вопль возмущения против социального неравенства, матери всякого рабства; номер имел отчаянный заголовок: «Изложение новых причин, препятствующих установлению свободы среди французов».

«Посмотрим на вещи шире. Допустим, что все люди познали и полюбили свободу; но огромное большинство их вынуждено отказаться от нее ради куска хлеба; прежде чем думать о свободе, приходится думать о том, как выжить».

Почти по всей стране семь десятых населения плохо питаются, плохо одеты, ютятся в жалких жилищах, спят на жалких постелях. Три десятых влачат свои дни в лишениях, их прошлое, как и их настоящее, полно страданий; то же ожидает их в будущем. Их жизнь — цепь непрерывных мучений, они страшатся зимы, они боятся за свою жизнь. И сколько из них обречено на жестокую нищету, глядя на которую сжимается сердце; им не хватает даже одежды, даже пищи. Истощенные голодом, полураздетые, проведя целый день в поисках куска хлеба, они на ночь укрываются в берлоге, где круглый год валяются на куче навоза, подвергаясь всем превратностям времен года.

Во Франции невозможно и шагу ступить без того, чтобы не наткнуться на одну из таких удручающих картин, и чаще всего люди, избавляющие других от труда, делающего землю плодородной, сами нуждаются в куске хлеба, выращенного их руками.

И рядом с этими несчастными мы видим богачей, которые покоятся на пуховых перинах, под золочеными лепными потолками; чьи столы ломятся от самых отборных плодов, поставляемых им со всех концов света, чтобы потакать их чревоугодию, и которые в одну трапезу пожирают столько пищи, что ею можно было бы накормить сто семей. Эти недостойные баловни судьбы распоряжаются другими людьми, это их сделали хозяевами судеб народа».

Да, но теперь, когда все эти нищие, утопающие в кучах навоза, охваченные отчаянием, подняли голову после победы 10 августа, не потребуют ли они наконец своей доли в радостях жизни? И если верно, что Революция оказалась выгодной главным образом мелким «землевладельцам» и тем, кто, владея небольшим наделом земли, дождались освобождения его от церковных и феодальных повинностей, то не следует ли, чтобы распространить блага Революции на всех граждан, особенно на тех сельских пролетариев, которые выращивают хлеб, а сами не едят его досыта, обеспечить и им также клочок земли? Как видите, революционные буржуа могли предполагать, что нищий пролетариат потребует своего рода «аграрного закона» в виде вознаграждения за оказанную им Революции помощь.

Не будет ли логично, если она [Революция], встречающая все большую поддержку со стороны слоев, не имеющих собственности, в конце концов вообще уничтожит всякую собственность? Однако она воздерживается от парадоксальных и крайних выводов, которые, казалось, стали вдруг ее соблазнять. Когда, например, якобинцы на заседании 12 сентября⁷ услышали речи одного федерата из Лиона о том, что «негоцианты города, отъявленные аристократы, используют войска, чтобы поработать своих рабочих и лишать их плодов их труда, и таким образом, поставив их в самые жестокие бедственные условия, они обеспечивают себе Средства раздавить их при малейшем сопротивлении»; когда оратор потребовал отвода войск, дабы оставить рабочих и хозяев, один на один⁸; когда якобинцы установили, что в крупных промышленных городах Революция, по видимому, идет к классовой войне, они стараются еще больше поставить право собственности надо всем. Иногда кое-кто из них, как бы теряя почву под ногами, защищал право собственности в настоящем, но наполовину отрицал его в будущем.

МАРАТ и РАБОЧИЕ

Что касается рабочих, то Марат на протяжении всего 1790 года тщетно пытается создать у них сколько-нибудь острое классовое сознание, политическое и социальное. Это ему не удается, и он отчаивается. Меж тем в среде пролетариата совершалась большая внутренняя работа, и уже начинают выявляться серьезнейшие вопросы, которым предстоит долгое время быть объектом борьбы между буржуазией и рабочим классом. В сущности, Марат видел в пролетариате главным образом политическую силу, силу, необходимую Революции. Он видел, что Революции со всех сторон узят опасности. Он был твердо убежден в том, что король ее предает. Он знал, что буржуазия в страхе перед новыми волнениями единодушно склонялась к тому, чтобы верить в лояльность поля. И он относился с доверием только к пролетариям. По правде говоря, воодушевляя их на борьбу, он не имел в виду ни новую революцию, ни революцию в отношении собственности. ⁹ побуждал их главным образом к защите Революции, будучи убежден в том, что, когда они спасут Революцию, и притом спасут одни, они сумеют в той или иной форме извлечь для себя преимущества из этой победы.

Именно исходя из этого, он и обращается с призывом к рабочим, к беднякам. Он хотел бы, чтобы они образовали свою народную федерацию, вместо того чтобы раствориться 14 июля 1790 г. в федерации отрядов буржуазной национальной гвардии. В своей газете в номере от 10 апреля 1791 г. он пишет: «Вместо того чтобы издать ту федерацию, которую я вам предложил, федерацию, объединяющую исключительно друзей свободы, дабы помогать друг другу, дабы ринуться на врагов Революции, предать казни заговорщиков, покарать мятежных, совершающих злоупотребления чиновников и подавить ваших угнетателей, вы спокойно перенесли, что ваши делегаты вас обманули и извратили эту братскую ассоциацию, исказив ее принцип, что они повернули против вас, превратив ее в военную ассоциацию, в которую я ввели многочисленные легионы ваших врагов». Таким образом, в то время когда граждане говорили о всеобщей федерации влияния. Марат хотел, чтобы народ образовал отдельный лагерь, как бы отдельную нацию...

8 мая 1791 г. он облакает свою мысль в очень ясную форму: «Неужто надо будет постоянно повторять: не полагайтесь на добрые намерения государственных должностных лиц (избранных активными гражданами); они всегда будут агентами деспотизма, тем более опасными, что их великое множество. Не полагайтесь также на богатых, живущих в роскоши людей, на людей, воспитанных в изнеженности и удовольствиях, жадных, любящих только золото: из старых рабов не создашь свободных граждан. Стало быть, только земледельцы, мелкие торговцы, ремесленники, рабочие, чернорабочие и пролетарии, как их называют наглые богачи, только они могут образовать свободный народ, которому не терпится сбросить и разбить ярмо угнетения. Но этот народ необразован, и даже нет ничего труднее, как просветить его; тоже невозможно ныне, когда тысячи мерзких перьев заняты только тем, чтобы сбить его с пути, дабы обратно заковать в оковы».

Итак, Марат мечтает о том, чтобы противопоставить парламентам, аристократам, борющимся против Революции, или богатым буржуа, которые, по его мнению, подвергают ее опасности и предают ее, народный класс, состоящий из пролетариата и мелкой буржуазии, и он как будто даже представляет себе народ, состоящий только из этих элементов. Насколько, однако, смутны его идеи в социальной области! Ведь если Марат устраняет владельцев крупных мануфактур, крупных купцов и руководителей кредитных институтов, то кто же будет выполнять их экономические функции? Будь Марат коммунистом, он бы ответил, что эти функции будет выполнять коллектив. Но Марат вовсе не был коммунистом: у него не было даже никакого представления о коммунизме. Неужели он хочет вернуться вспять, к парцеллярному производству, к мелкой промышленности, к ограниченному, местному обмену? У него есть эта тенденция, но он не осмеливается ясно сказать об этом. Таким образом, у него нет твердой экономической базы, он не может предложить народу, который он призывает, определенной концепции. Он ставит перед ним только политическую задачу, и поражаешься контрасту между остротой классового инстинкта Марата и бессилием его мышления. Рядом с Маратом Бабёф представляется гениальным и великим! А ведь и у него — только первые зачатки пролетарского сознания.

Впрочем, Марат признает, что если он призывает народный класс спасти Революцию, то потому, что нельзя было с этим призывом обратиться к состоятельной буржуазии, более для этой роли предназначенной. 15 августа 1791 г. он пишет:

«Судейские, духовенство и финансисты должны были бы понять, что, поскольку общественное мнение настроено против них, поскольку их поражение отвечает видам правительства, им ничего не остается, как стать на сторону народа и против двора. Но вместо того чтобы принять это решение, которое повелительно диктовало им благоразумие и их собственные интересы, они прислушивались лишь к голосу злобы, тщеславия и жадности, и ныне они в немилости у всех. Ибо, какой бы оборот ни приняли общественные дела, если монархическая клика победит, парламентам, прелатам и финансистам никогда не удастся всплыть на поверхность, тогда как они возглавили бы новое правление, если бы победило дело свободы и если бы они честно к нему примкнули».

Итак, Марат был очень далек от понимания восходящего движения народного класса как естественного следствия Революции; наоборот, в его шатких размышлениях ему представлялось, что только от судейской и финансовой буржуазии, опиравшейся на поддержку искренне «конституционного» духовенства, зависело взять на себя руководство революционным обществом. Можно подумать, что он только потому зовет на помощь пролетариев, что пришел в отчаяние, видя, как нормальное развитие Революции нарушается из-за глупости умеренной буржуазии в еще большей мере, чем из-за ее эгоизма.

Однако он вполне реально отдает себе отчет в том, что, призывая таким образом пролетариев сыграть в борьбе против двора роль, которой пренебрегла, по его мнению, буржуазия, он должен предложить народному классу какие-то немедленные преимущества. И Марат пытается разработать какую-то социальную политику. Но концепции Марата в этой области, увы, пусты, а порой и реакционны! Они не лишены, однако, интереса, ибо это первый опыт, пусть бессильный и смутный, какой-то рабочей политики. В течение 1791 г. Марат предложил провести в пользу трудящихся следующие четыре главные реформы:

1. Реорганизация ученичества и учреждение системы субсидий самым способным рабочим, дабы они могли стать мастерами.

2. Роспуск общественных мастерских и их замена крупными частными предприятиями, в которых рабочие были бы заняты более нормальных условиях.

3. Создание рабочих производственных кооперативов, обеспечивающих их членам пожизненную ренту.

4. Объединение сельских парцелл в однородные хозяйства вместе с тем разделением крупных ферм на мелкие.

МАРАТ и КОРПОРАЦИИ

Когда в марте 1791 г. Учредительное собрание упразднило цеховую регламентацию и провозгласило полную свободу труда, говорив лишь уплату торгово-промышленного налога, Марат е понял, что полное упразднение уже и до того подорванной корпоративной системы даст новый импульс развитию капиталистического и буржуазного производства и крупной мануфактуры. Он понял, что в экономической области это был необходимый период развития, и предпринимал усилия, довольно ретроградные, пытаясь сохранить все, что еще возможно было спасти от корпоративной системы.

16 мая он писал: «Когда каждый рабочий сможет работать в себя, он не захочет работать на других; тогда не будет больше никаких мастерских, никаких мануфактур, никакой торговли.

Первый результат этих бессмысленных декретов заключается в обеднении государства вследствие упадка мануфактур и торговли. Второй результат состоит в разорении потребителей из-за вечных расходов и в гибели самих промыслов. Если в сословиях, которых слава не является движущей силой, жажду богатства освободить от стремления упрочить свою репутацию, то прощай честность; вскоре всякое ремесло, всякая торговля вырождается в интриги и жульничество. Так как все тогда сведется к стремлению поскорее сбыть свои изделия и свои товары, то достаточно будет придать им чуть-чуть привлекательный вид и продавать их по дешевой цене, не заботясь о прочности и добротной работе. Стало быть, все изделия промыслов должны вскоре вырождаться в халтуру. А так как они тогда не будут обладать ни качеством ни прочностью, они будут разорять бедного потребителя, вынужденного ими пользоваться, а состоятельный потребитель будет покупать то, что ему нужно, за границей. Проследите бесконечное развитие жажды наживы, терзающей все классы народа в больших городах, и вы убедитесь в этой печальной истице.

Когда каждый сможет обзавестись собственным делом, не будучи обязанным явить доказательства своих способностей, с этого момента не будет никакого последовательного ученичества. Как только ученик научится кое-как делать какую-то работу, он будет стараться извлечь выгоду из своего ремесла и будет думать лишь о том, чтобы основать свое дело, и всячески угодничать с целью найти заказчиков и покупателей.

Поскольку никто не будет думать об изготовлении отличных изделий для упрочения своей репутации и своего состояние а лишь о том, чтобы соблазнить внешним видом, все везде будут делаться наспех, кое-как. Опозорившись в одном районе, рабочий отправится в другой, и часто он закончит свое поприще, не успев обойти всех районов большого города, да

и достигнет лишь одного — надует покупателей и обманет сам себя. В столицах будет особенно ощущаться этот упадок полезных искусств, это исчезновение честности, это бродяжничество и ловкачество рабочих, бедность во всех профессиях и общественная пища вызванная разорением торговли. Может быть, я заблуждаюсь. Но я не удивлюсь, если через 20 лет в Париже нельзя будет найти ни одного рабочего, который сумел бы сделать шляпу или пару башмаков.

Упадок промыслов будет ускорен оттого, что каждый будет волен совмещать различные ремесла и профессии. И пусть не говорят нам, что соревнование, сопутствующее свободе, будет содействовать их расцвету; опыт убедительно доказал обратное. Посмотрите на те кварталы Парижа, где не существовало ограниченной свободы труда: те рабочие, которые заботились только о том, чтобы привлечь клиентов дешевизной, не делали подлинно законченных изделий. Что же будет, когда эта система распространится на всех рабочих, когда мастера не смогут больше выдерживать конкуренцию и когда уже не будет больше оснований соревноваться в хорошей работе?

Только изящные искусства и производство предметов роскоши должны обладать полной свободой, ибо, поскольку все могут обходиться без их изделий, к их приобретению может побудить только доставляемое ими удовольствие... Что касается полезных искусств и производства предметов первой необходимости, то здесь от ремесленника должно требовать доказательств его умения, ибо, раз никто не может обойтись без его изделий, хороших или дурных, общественный порядок требует, чтобы законодатель принял меры для пресечения обмана, извращения нравов и всегда следующих за этим бед.

Вместо того чтобы все ниспровергать, как это сделал невежественный конституционный комитет, надо было проконсультироваться с людьми сведущими в вопросах, которые ему не под силу, и заняться исключительно устранением злоупотреблений.

А между тем достаточно было бы упразднить все судебные функции цеховых советов, выборы, взимавшиеся при получении звания мастера, всякое право наложения ареста, оставив каждому признанному мастеру право подавать в суд на рабочих, совершивших нарушения. Чтобы ремесла процветали, надлежало установить для учеников обязательное строгое обучение в течение 6 или 7 лет. Чтобы рабочие не оставались всю жизнь в бедности, надлежало установить приличную плату за их труд и понуждать их к доброму поведению, предоставляя по истечении трех лет средства на самостоятельное обзаведение всем тем, кто отличится своим умением и благоразумием, с одной только оговоркой, что тот, кто не женится в первый год после получения звания мастера, обязан по истечении 10 лет вернуть в общественную кассу полученные от нее ссуды.

Награждать за таланты и хорошее поведение — единственное средство достигнуть процветания общества. Сама природа требует, чтобы просвещенные люди руководили невеждами, а честные люди — безнравственными людьми, стало быть, бездарные и дурного поведения рабочие никогда не должны бы становиться мастерами. Отсутствие способностей неизлечимо, но можно исправиться после грубой выходки. Итак, принято наказывать за нарушение правил доброго поведения; между тем достаточным наказанием за каждую такую выходку будет отсрочить на 6 месяцев предоставление ссуды на самостоятельное обзаведение».

Какое странное смешение идей и как в нем преобладает реакционная тенденция! С одной стороны, Марат озабочен положением рабочих, он хочет обеспечить им всем некий минимум заработной платы, то, что он называет «приличной платой», он хочет также создать возможность самостоятельного обзаведения при помощи средств государства всем тем рабочим, которые докажут свое мастерство и добропорядочность.

С другой стороны, он ставит рабочих под опеку, не позволяет им открыть свое дело тогда, когда они этого захотят, и подчиняет их своеобразной моральной цензуре, доходящей почти до установления обязательного брака. А главное, какое глубокое непонимание экономического развития, которое уже в течение полу-столетия шло ускоренными темпами! Конечно, Марат смутно предвидел неприятные последствия безграничной конкуренции, но он их сильно преувеличивал. Ибо неверно, что новая система производства уничтожает техническое мастерство рабочих, она только изменила его проявление. К тому же Марат, по-видимому, не представляет себе, какую революцию в благосостоянии людей повлечет за собою интенсивное производство дешевых изделий. Но его самая удивительная ошибка состоит в том, что он воображает, будто уничтожение цеховой системы приведет к гибели мануфактур. Ему кажется, что для самостоятельного обзаведения рабочих достаточно, чтобы они имели на это право.

Он не догадывался о том — а это, однако, уже было доказано Адамом Смитом и каждый день подтверждалось растущей системой мануфактур, — что разделение труда в больших мастерских было условием дешевого производства и что поэтому поиски средств дешевизны благоприятствовали развитию крупной промышленности. В уничтожении цеховых пут, которое вскоре должно было послужить сильнейшим импульсом для развития промышленного капитализма, увидеть только крайнее дробление промышленности и как будто упразднение наемного труда — это величайшая историческая бессмыслица. И никогда «пророк» так жестоко не ошибался. Могла ли рабочая, пролетарская политика Марата обладать какой-то прочной основой, если он не предчувствовал неизбежного в ближайшее время роста пролетариата.

Он не только был далек от предвидения того, что режим неограниченной конкуренции превратит многих мелких хозяев, мелких независимых производителей в пролетариев, но воображал (и не без основания), что все пролетарии вскоре превратятся в мастеров, в хозяев.

фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», т.3

МАРАТ ПРОТИВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ МАСТЕРСКИХ

Vive Liberta и Век Просвещения 2008 ©

Марат недолго любил общественные мастерские, в которых муниципалитет давал работу безработным. Так как он ненавидел муниципалитет, назначавший начальников и надзирателей, те и вся система была в его глазах подозрительной. К тому же он утверждал, что рабочие, набранные таким образом во всех областях Франции, ничем друг с другом не связанные и лишенные общественного сознания, были послушным орудием в руках придворных интриганов. Он даже считал, что открыл 7 апреля 1791 г. большой заговор монархического клуба, в котором роль агентов-исполнителей была будто возложена на рабочих общественных мастерских. «Их последний заговор, лишь недавно раскрытый, заключался в том, чтобы возбуждать народ против народа и истребить друзей свободы руками тех самых бедняков, которых они кормят. Этот гнусный заговор готовился основательно, не торопясь.

Министры и их агенты в провинциях издавна привлекали в столицу множество бедняков, отбросы армии и накипь всех городов королевства. Байи заполнил ими мастерские, откуда он изгнал граждан, которых Революция довела до нищеты и оставила без хлеба. Управление этими мастерскими он отдал в руки муниципальных должностных лиц, подобно ему продавшихся двору, а руководство работами доверил агентам старой полиции, которым было приказано привлечь на свою сторону всех рабочих и уволить тех, на кого нельзя положиться.

Среди рабочих шныряло множество шпииков, рассыпавших неустанно похвалы королю, королеве, Байи, де Мотье (Лафайету) и главным заговорщикам. Всякого друга свободы они изображали мятежником и брали на заметку тех, кто не поддавался на их обман. Чтобы лучше обработать их, множество лейб-гвардейцев не постыдились стать во главе мастерских и банд рабочих в качестве десятников, в то же время множество других людей выискивали ловких и предприимчивых людей, вовлекали их в заговор и вручали им крупные суммы для вербовки новых членов».

Этот гнев Марата против общественных мастерских Парижа свидетельствует о том, что в то время его резкая кампания против Национального собрания, которое он обвинял в сговоре с двором, не достигала цели. Временами рабочий класс приходил в волнение: контрреволюционные заговоры, к которым Марат постоянно привлекал его внимание, внушали ему страх; рабочих трогали также те вопли искренней жалости, которые исторгала у Марата их нищета. И все же рабочий класс был еще далек от того, чтобы следовать за ним. Рабочий класс явно шел вместе с конституционными властями, и Марат в крайнем раздражении осыпал рабочих бранью, обвиняя их в том, что они либо обмануты, либо продались контрреволюции.

Эта статья от 7 апреля вызвала среди рабочих мастерских довольно сильное волнение. Это волнение нашло выражение в письме (быть может, частично составленном самим Маратом), Опубликованном 10 апреля. «Другу народа... сколь несправедливо писали Вы недавно о несчастных, которых упадок торговли а ремесел обрек на работу в благотворительных мастерских! Нет, большинство из них вовсе не негодяи, это добрые, честные граждане. В их бедности повинна судьба, а не они, это следствие бедствий времени, безумных действий правительства, растрат двора, лихоимства агентов фиска и более всего разложения и продажности отцов-сенаторов [депутатов], обративших все свои отеческие заботы на то, чтобы завладеть имуществом бедняков и заплатить мнимым кредиторам государства... В Вашем 422-м номере, Напечатанном, по-видимому, чересчур поспешно, как всякое произведение, которое автору не довелось перечитать на свежую голову, Вы как будто забыли, что Вы — Друг, адвокат, защитник, любимец народа... Я не стану говорить Вам, что бедняки имеют право на снисхождение, но замечу, что Вам надлежало бы проявить больше справедливости к классу людей, душа которых в несчастье открылась, которые могут гордиться своим унижением, ибо нищета не заставила их ни на единое мгновение сойти со столь узкой стези добродетели... Большинство рабочих — люди честные, очень честные, хотя коварные агенты муниципалитета, или, вернее, тюльрийского кабинета, пускают в ход все постыдные средства, чтобы их подкупить.

Наиболее просвещенные из рабочих выполняли вначале в этой, маленькой республике функции мировых судей; они наказывали, провинившихся и беспощадно изгоняли плутов и дурных патриотов. Такое благотворное правосудие не понравилось начальникам, и страх потерять тот скудный кусок хлеба, который они получали в этом приюте, вынудил этих народных судей отказаться от своих функций. Да, конечно, в благотворительных мастерских есть и предатели и заговорщики, продавшиеся врагам отчизны. Но это шпики и разбойники, которых туда устроил Байи, но администраторы и муниципальные должностные лица, составляющие красивые уставы, дабы изгнать добрых граждан, для блага которых эти мастерские были учреждены, и заменить их бывшими лейб-гвардейцами, бывшими дворянами, бывшими адвокатами, бывшими ворами, — одним словом, шпионами и наемными головорезами. Вот, друг наш, каких гнусных людей устраивает администрация в нарушение декретов, в нарушение собственных уставов с целью завлечь, соблазнить и развратить добрых граждан.

Некоторые секционные комитеты сеют дух мятежа, лишая французов единственного средства, оставшегося им в их отчаянном положении, и предоставляя его чужакам.

Вот имена некоторых шпииков, которых администрация осыпает золотом, всякими ласками и почестями в надежде, несомненно, что им удастся наконец осуществить свои вечные заговоры. Контролер общественных работ Монмартра, кавалер ордена св. Людовика и бывший полицейский шпик. Далее некие Жеттан, Леруа, Виель, Дежарден, Тома, Тентрелен, Вальер, Эмбран, старшие шпиики, именуемые контролерами, с жалованьем в 1800 ливров, не говоря о наградных за выявление и увольнение рабочих-патриотов и замену их головорезами. Это звание контролера — пустое слово, как Вы отлично понимаете, чтобы приукрасить гнусные функции этих негодяев и пить кровь бедняков, ибо комиссары секций бесплатно выполняют обязанности контролеров.

Через несколько дней я Вам доставлю список шпигов, десятников и начальников мастерских, всех, состоящих на верной службе у предательской администрации».

И Марат, раздосадованный и в то же время польщенный, отвечал: «Если бы Вы потрудились внимательно прочитать мою газету, Вы бы увидели, что эпитеты, на которые Вы сетуете, относятся лишь к шпигам, головорезам и разбойникам, которых Мотье вызвал в Париж из провинции, а Байи устроил на работу в мастерские в ущерб честным гражданам. Как могли Вы вообразить, что я поношу этих несчастных, я, которого проклинали за то, что я встал на их защиту и отстаиваю их дело? Я никогда не считал, что все рабочие благотворительных мастерских подкуплены, но меня огорчало, что среди них столько негодяев, состоящих на жалованье у предательской администрации, дабы, когда придет время, вырезать всех патриотов. Это как раз то, что и Вы сами утверждаете. Стало быть, мы с Вами согласны. Позвольте мне попросить Вас рассеять заблуждение Ваших товарищей, которые ошиблись подобно Вам, читая мою газету, а также попросить Вас дать мне список всех шпигов, стоящих во главе мастерских...»

Все эти споры и примирения с очевидностью говорят о том, что значительное большинство рабочих, занятых в мастерских, в то время сопротивлялись внушениям Марата. Столь же очевидно, что Марат надеялся увлечь их, возбуждая их против надзирателей, против начальников. Но Марат вовсе не хотел их мобилизовать на борьбу с буржуазией как классом, на борьбу с буржуазной собственностью, он хотел их направить исключительно против двора и муниципальной администрации, которую он ненавидел и обвинял в предательстве. Это была робкая и еще неизбежно противоречивая попытка проведения классовой политики.

Но всегда находятся дельцы, готовые использовать в своих целях любые страсти, любые идеи партий. В Париже в то время было много таких дельцов. Уничтожение старого феодального [порядка и проведенная в огромных масштабах экспроприация церковной городской собственности сильно воодушевили авантюристов, искателей легкой наживы. Некоторые из них подумали, что Марат, поскольку он страстно ненавидит парижский муниципалитет, поскольку он столь опасается благотворительных мастерских, подчиненных этому муниципалитету, мог бы благоприятно отнестись к крупным частным предприятиям, которые могли бы занять рабочих и таким образом освободить их от влияния муниципалитета. Мы видим, как они пробуют использовать Марата в качестве крестного отца и покровителя их планов и как Марат, ослепленный своей ненавистью к Байи и академикам из ратуши, наивно поддается на обман. Он любезно помещает в своей газете 27 мая 1791 г. пространное письмо хитроумного капиталиста: «Другу народа. — Поверьте, наш дорогой друг, что почти все рабочие, занятые на общественных работах, добрые патриоты, тогда как их начальники — аристократы. Что касается последних, То я Вам ручаюсь, что это отъявленные негодяи, безнаказанно ворующие на виду у всех. Один из них — некий Мюлар, закоренелый пьяница, в прошлом тряпичник у Сент-Антуанских ворот, еще недавно банкрот, ныне телохранитель в голубом мундире, шпик. Головорез на службе у Мотье и начальник общественных работ».

И когда Марат клюнул на эту проведенную по всем правилам искусства атаку на агента муниципалитета, за которой последовала целая серия прямых обвинений по адресу десятка «шпигов», продувной аферист передал Марату некий филантропический и капиталистический проспект сооружения Парижского канала, спроектированного господином Брюле. И Друг народа, окончательно покоренный, добавил от себя: «В заключение этих замечаний о лихоимстве наших муниципальных чиновников я приведу разумные соображения г.Бакона, выборщика Парижского департамента: „Не прискорбно ли видеть в век Просвещения и в столице французов столько бедности, с одной стороны, и столько ресурсов — с другой, причем не находится человека, достаточно умелого в своей благотворительности,

который дал бы работу нуждающимся и устранил бы нищету, предоставив средства! Что же сказать при виде того, что благотворительные мастерские и работы в них организованы таким образом, чтобы развращать и рабочих и тех, кто надзирает за ними, и что от этих работ не останется ничего для общества. В этих благотворительных учреждениях действовали таким образом, будто задача сводилась только к тому, чтобы отвлечь от нищенства и разбоя, и никто и не подумал об извлечении хотя бы малейшей пользы от труда такого множества людей. Считают, что довольно и того, что столько люден согласно проводить время, бесплодно переворачивая землю и камни. Вероятно, даже бочка Данаид оказалась бы в наше время замечательным средством, если от рабочих не требуется, чтобы они были полезны, а только чтобы не вредили".»

Вступление весьма искусное, как мы видим, там не упущена даже ссылка на античные мифы. Внимание! Теперь на сцену выходит капиталист: «Но в то время как эта неуклюжая политика, связанная с огромными расходами, бесплодно отвлекает столько рабочих, получающих свою зарплату, не принося пользы ни в настоящем, ни для будущего времени, является один гражданин и говорит: "Те 25 или 30 тыс. ливров, которые вы каждый день раздаете в ваших благотворительных мастерских, дайте мне половину их и возложите на меня заботу обо всех ваших неимущих рабочих. Я не только не допущу, чтобы жадность надзирателей в сочетании с лестью наемников обманули ваши упования, но я займу все эти рабочие руки общественно полезным делом. И вам останется вечный памятник, который во время его сооружения займет наших бедняков. а в будущих столетиях приумножит нашу мощь".» Действительно, в этом цель и неоспоримые выгоды Парижского канала, проект которого разработан г-ном Брюле и утвержден декретом Национального собрания. Учреждена компания, в состав которой могут войти и правительство и акционеры путем приобретения предлагаемых ею акций.

«Я полагаю, что город не может [это опять Бакон, цитируемый Маратом], не погрешив против нас и наших детей, уклониться от помещения по меньшей мере 12—15 тыс. ливров в день в акции канала, что ускорит осуществление этого крупного и полезного предприятия. В результате произведенные расходы обернутся к выгоде общественного дела, а город, став владельцем большого числа акций, будет участвовать в выгодах, связанных с существованием канала. Творя добро, город уже не будет расточать свои средства, а поместит их так, что они будут приносить большие проценты. Как и все акционеры, Париж получит таким образом право надзора за его сооружением и за расходованием денег, которые через несколько лет вернутся в общественную кассу.

Известно также, что канал и все связанные с ним коммерческие выгоды по истечении 50 лет, когда все акции будут погашены, станут одним из прекраснейших владений французского народа. Несомненно, все департаменты поспешат последовать примеру столицы, создавая предприятия подобного рода, которые необходимы в их местности. Такое помещение фондов, принадлежащих нации, внушит публике глубочайшее доверие.

Чтобы не было никаких сомнений относительно нравственности рабочих, которые будут заняты на этих работах, каждая секция, ознакомившись со своими рабочими, будет направлять их на работы по сооружению канала с билетами, а там будет администрация, состоящая из инспекторов, заинтересованных в том, чтобы их не обманывали лентяи, и умеющих с пользой для дела употребить средства общественной благотворительности. Если возникнут опасения, что строгий режим и невозможность рассчитывать в дальнейшем на послабления или потворство начальников вызовут волнения среди этого множества бедняков, то будут приняты надлежащие меры по надзору за этими огромными скоплениями рабочих и обузданию их. В результате был бы упрочен порядок, благотворительность принесла бы свои плоды, нищета была бы устранена, безработные — заняты и мы имели бы надежду на известное обогащение. Ничего этого нельзя найти при нынешней администрации благотворительных мастерских: это подтвердят все добрые граждане».

Перспектив ослепителен, и простодушний Марат тут же добавляет от себя несколько одобрительных фраз. Комбинация действительно хитроумна, и задумавший ее крупный предприниматель являет нам образчик особых талантов тех, кто позднее будет заключать с государством договоры на сооружение и эксплуатацию железных дорог. Он обеспечивал себе с самого начала размещение всех акций, и притом по очень хорошей цене, во-первых, потому, что город Париж приобретал бы их на 15 тыс. ливров ежедневно, и, таким образом, повышал бы их курс, во-вторых, потому, что это своего рода свидетельство в финансовой благонадежности, выданное городом предприятию, внушило бы публике, как говорится в проспекте, глубочайшее доверие.

Затем предприниматель сразу же получал в свое распоряжение значительную рабочую силу и получал ее со скидкой, по тем пониженным ставкам заработной платы, которые выплачивались в благотворительных мастерских: заметьте, что в предложенной комбинации нет и намека на повышение заработной платы — милостыни до уровня нормальной заработной платы. Таким образом, при посредничестве города Парижа и под прикрытием продолжения дела благотворительности путем предоставления работы изобретательный капиталист получал рабочую силу в изобилии и по низкой цене. И под видом поддержания порядка, рачительного использования фондов города и очищения администрации общественной благотворительности он собирался установить над рабочими контроль, гораздо более жесткий, гораздо более грубый, чем тот, который был установлен городской администрацией. И он собирался также произвести отбор среди рабочих, выбросить под предлогом лени или нарушения порядка менее крепких менее ловких, тех, которые давали бы меньше труда и «прибавочной стоимости» очаровательному филантропу. Само это заявление о более строгой и более жесткой дисциплине было одним из средств привлечь публику, уверенную таким образом в хорошем использовании ее капиталов. А на тот случай, если бы некоторые из рабочих, столь бесцеремонно переданных городом в распоряжение предпринимателя, вздумали припомнить прежнюю муниципальную дисциплину, более снисходительную или более слабую заранее указывалось, притом со ссылкой на авторитет самого Марата, что если начальники муниципальных мастерских были снисходительны к ленивым рабочим, то это делалось с целью привлечь их к участию в большом заговоре монархического клуба и предательского муниципалитета. Таким образом, все, даже ненависть и подозрения Марата, было использовано в своих интересах этим гениальным капиталистом. Но его шедевром было то, что он сумел поместить в газете Друга народа, под покровительством и с одобрения Марата, один из самых смелых финансовых проектов, которые буржуазное общество видело за целое столетие.

Однако какой же недостаток опыта обнаруживает при этом Марат, пролетарии, начинавшие прислушиваться к его словам, и в каком мраке или по крайней мере в каких сумерках, близких к глубокой ночи, еще витала тогда пролетарская мысль!

Сама искренность Марата, его бесспорное желание облегчить страдания самых бедных и улучшить их судьбу делают эти жалкие ошибки еще более показательными. Правда, его ненависть к муниципальным чиновникам много способствовала его ослеплению. Спустя несколько дней он был довольно жестоко выведен из заблуждения одним из своих корреспондентов и, ошеломленный поспешил поместить в своей газете в номере от 3 июня это письмо «Другу народа. — Мой дорогой Марат, не поддавайтесь на красивые речи. Чаще всего это мелкие интриганы, которые выдаю! себя за апостолов правды, чтобы обделывать свои делишки. Вполне возможно, что тот, кто побудил Вас опубликовать статью о канале Брюле, появившуюся в номере 471 Вашей газеты, мог иметь в виду добиться предоставления предпринимателю 15 тыс. ливров в день для его прорытия. Я отнюдь не хочу его обвинять. Но если бы Вы знали, какая

дьявольская клика стоит во главе этого предприятия, Вы бы поняли, что это означает передать судьбу неимущих в руки других жуликов и что трудно было бы найти более бессовестных. Мне ненужно ничего говорить о Брюле. Он достоин стоять во главе этой клики: сотни тяжб, которые он ведет ныне с инженерами, производившими нивелировку, чертежи, сметы, с лихвой доказывают, что у него только одна цель — обжулить доверчивых людей. За Брюле следует знаменитый Мангури из Ренна, в Бретани, где он прославился своими мошенническими проделками... Три недели тому назад я слышал от него все то, что г-н Бакон взял на себя труд написать в пользу Брюле, в той выдержке, которую Вы привели в Вашей газете...»

Марат, обычно смущавшийся, когда его непогрешимость оказывалась посрамленной, ответил в нескольких словах: «Я знаю г-на Бакона только по его сочинениям, в которых он выказывает себя человеком со вкусом и филантропом, а впрочем, я никогда и не помышлял рекомендовать предприятие Брюле, о происках коего я не знал.

Если я говорил о его проекте, то только для того, чтобы выявить пороки муниципальной организации общественных работ».

МАРАТ: ПРОЕКТ РАБОЧЕГО КООПЕРАТИВА

За несколько месяцев до этого дела Марат оказал поддержку одному проекту, довольно любопытному, поскольку его можно рассматривать как зародыш, как первоначальную идею рабочей производственной кооперации. Но и здесь поражает диспропорция между рекомендуемым проектом и торжественностью тона Марата. Приводим содержание номера его газеты от понедельника, 28 марта 1791 г.:

«Простой и легкий способ обеспечить в течение ряда лет средства к существованию 10 тыс. обездолженных, нуждающихся в хлебе в столице, и притом не изымая ни одного су из государственной казны. — Выгоды, которые осуществление этого проекта принесло бы государству. — Пустые отговорки и происки муниципальных Чиновников с целью провалить этот проект».

И послушайте начало статьи Марата. Можно подумать, что это ураганный ветер Революции, который сейчас сметет всех богачей, всех эксплуататоров пролетариата. А все это сводится к некоему сочетанию труда и благотворительности для нескольких тысяч человек. В последние годы некоторые писатели очень часто принимали эту пустую резкую фразеологию за начало социализма. Но послушаем Марата:

«Я выполняю сегодня священный и дорогой моему сердцу долг выступая в защиту неимущих, тех рабочих, кои составляют самую здоровую, самую полезную часть народа и без коих Общество не могло бы прожить и дня; в защиту тех ценных граждан, кои несут все тяготы государства и не пользуются ни одной из его выгод; в защиту тех несчастных, которые смотрят на плута, жиреющего, пока они трудятся на него в поте лица своего, и которые жестоко отталкивает подрядчик, пьющий кровь их из золотых чаш; в защиту тех несчастных, которые видят, как их угнетатель живет в роскоши и наслаждениях, тогда как на их долю выпадает лишь труд, нищета да голод. Бог брани, если когда-либо я пожелаю хоть на мгновение овладеть твоим мечом, то только для того, чтобы восстановить для них святые законы природы, попираемые всеми князьями земли, беспощадно и бесстыдно нарушаемые даже нашими отцами-сенаторами».

Пустая, резкая фразеология, сказал я выше, чтобы отметить, что в основе этих речей не было никакой определенной социальной концепции, никакой новой, содержательной идеи собственности. Все же эти пламенные и настойчивые призывы, несомненно, начали волновать немало людей. То было смутное страдание, которое кричит, не умея еще говорить и мыслить, что вполне естественно для этой детской поры пролетариата. А Марат тщетно пытается умерить это страдание театральными жестами. Но он по крайней мере расслышал его крик среди грохота буржуазной Революции, среди гимнов праздников братства, среди оптимистической риторики. Да простятся этому человеку хотя бы отчасти его дурные чувства ненависти за его крики сострадания и гнева, пронзительно прозвучавшие в эту еще таинственную и неясную пору восхода Революции!

А теперь посмотрим, что предлагает архангел, и мы увидим в его руках отнюдь не сверкающий меч Бога брани; и на сей раз речь идет о проекте организации общественных работ, но с некоторыми оригинальными и наводящими на мысли комбинациями:

«Проект, который я сейчас представлю публике, принадлежит просвещенному филантропу. Осуществление этого проекта обеспечит немедленно и на ряд лет средства существования для тысяч рабочих без каких бы то ни было расходов для государственного казначейства; не придется опасаться и каких-либо нарушений порядка и спокойствия в Париже, сколь бы ни было велико число этих рабочих. Осуществление этого проекта позволит через несколько лет покупать хлеб по цене 7—8 су за 4 фунта, что составит для народа ежегодную экономию более чем в 10 млн. Он будет увеличивать каждый год богатства столицы, поскольку обеспечит работой огромное число рабочих. Он решит судьбу 80 тыс. жителей столицы, будет способствовать ликвидации нищенства и значительно увеличит государственные доходы. Проект этот очень прост. Он заключается в прорытии канала в Сен-Море, который должен пройти под Венсенским лесом, через скалистое основание этой возвышенности, что намного сократит расходы судовщиков, сократит водный путь на 8 тыс. туазов и крайне уменьшит опасности этого пути, поскольку избавит от навигации по местам, усеянным подводными камнями.

2. Поскольку естественное русло реки в этой излучине станет ненужным для судоходства, его можно использовать для сооружения 50 различных заводов и фабрик, как-то: мельниц для зерна и хмеля, молотовых, разного рода бумажных предприятий и волочилен для производства проволоки; таким образом возникла бы отрасль торговли изделиями, которые мы ежегодно на несколько миллионов ввозим из-за границы.

3. Венсеннский замок, эта обитель страдания и отчаяния, непрестанно напоминающая о тирании и тиранах, воздвигших его для своих расправ и для удовлетворения своей ярости, будет приобретен на средства предпринимателей и превращен в зернохранилище, где бедный всегда найдет средства питания по возможно более низким ценам, под надзором граждан столицы и департамента, и станет славным памятником торжества завоеванной свободы. Эта огромная житница, вмещающая продовольственные запасы на ряд лет, которые будут постоянно обновляться, станет снабжать наши мельницы, и Париж уже не будет больше страдать от алчности компаний скупщиков. Тот искусственно созданный голод, который довелось нам испытать среди изобилия, должен научить нас мудрости на будущее.

4. Средства, необходимые для этого начинания, будут доставлены неимущим классом, который устроит свою судьбу при очень малых затратах, и вот каким образом. Создается тонтинна [одна из форм государственного рентного займа. Группа лиц, объединенных в товарищество, предоставляла государству кредит. Государство обязывалось выплачивать проценты и погашение до тех пор, пока живы члены товарищества. После смерти кого-либо из членов товарищества рента оставшихся в живых увеличивалась. — Прим. ред.], переходящая после смерти кого-либо из участников к остальным до тех пор, пока жив хоть один. Она будет состоять из 80 тыс. равных акций, каждая по 75 ливров, кои, если угодно, можно уплатить путем ежемесячных взносов в размере 6 ливров 5 су в течение одного года. По истечении трех лет, то есть ко времени окончания работ, этот капитал будет приносить 5%, и доход этот будет возрастать из года в год как вследствие кончины части акционеров, так и в результате естественного расширения самого предприятия. Таким образом придет день, когда один-единственный акционер будет получать доход с капитала, достигшего многих сотен тысяч ливров, который после него наследует нация.

Занятые на этих работах рабочие будут иметь каждый часть акций, что привяжет их к работе и создаст заинтересованности в сооружении; к тому же они будут хорошо зарабатывать на жизнь. Весь капитал этой тонтинны, который послужит не обогащению какой-нибудь компании, а только общему благу, будет иметь пределом 6 млн. ливров, что достаточно для проведения всех работ и приобретений.

Это подлинно патриотическое предприятие позволит облегчить жизнь людям малого достатка, не имеющим возможности прожить на свои скудные сбережения и в награду за трудовую жизнь, исполненную всяческих лишений, когда они лишены подчас даже самого необходимого, вынужденным закончить свои дни в больнице, если они не погибнут во цвете лет от болезни, вызванной каторжным трудом или нуждой. 80 тыс. бедняков таким образом будут избавлены от нищеты и возвращены своим детям... Разве не очевидно для всякого, что достаточно изложить этот столь простой проект, чтобы его приняли и поддержали те люди, которым народ доверил защиту своих интересов? Трудно даже вообразить, что наши недостойные муниципальные должностные лица ставили бесконечные препятствия на пути этого проекта...»

Этот проект заслуживает внимания. Разумеется, мы не собираемся входить здесь в обсуждение вопроса о его технической осуществимости, ни в рассмотрение его финансовых условий. Но интересна его социальная тенденция. Созданные по инициативе государства мастерские, где рабочие являются одновременно акционерами, причем эти мастерские впоследствии возвращаются нации, система тонтин, обеспечивающая выживающим рабочим довольно значительный доход, — здесь уже имеется зародыш государственного социализма, как его понимал Луи Блан, рабочей производственной кооперации и разных систем взаимопомощи.

Правда, зародыш хилый, незаметный и неясный! Но надлежит отметить, что идея рабочей ассоциации в собственном смысле слова, рабочей корпорации или, как мы теперь говорим, рабочего синдиката, здесь полностью отсутствует. Мастерские не были бы доверены объединениям рабочих, и Марат представляет себе рабочую собственность в индивидуалистической, буржуазной форме акции. Но перед нами встает один крайне важный вопрос. Совершенно очевидно, что уже одного буржуазного революционного потрясения было достаточно, чтобы возбудить устремления рабочих, и если бы установленная Революцией политическая свобода сохранилась, если бы суверенитет народа, вначале урезанный, а затем полный, уцелел, если бы выборы, вначале ограниченные, но вскоре ставшие всеобщими, оставались источником всякой власти, то вероятно и даже несомненно, что рабочие, пролетарии потребовали бы и добились определенных гарантий. Может быть, посредством комбинаций, подобных предложенной Маратом, они приобщились бы в какой-то довольно значительной части к капиталистической собственности, сферу которой Революция вскоре так сильно расширила.

Так или иначе, весьма вероятно, что право коалиций и право стачки, которые вскоре будут грубо уничтожены Учредительным собранием, были бы завоеваны довольно рано и рабочему люду не пришлось бы дожидаться целое столетие их законного признания. Но можно задать себе вопрос, была ли эта организация рабочей силы в такой момент, когда капитализм еще не достиг всей своей мощи, совместима с капиталистическим развитием, с ростом производства и богатства? Что до меня, то я, не колеблясь, отвечаю на этот вопрос утвердительно. Я считаю, что капиталистическая система обладает бесконечно большей гибкостью, чем это представляется многим социалистам. И я думаю, что уже с самого 1789 г. она приспособилась бы к полной свободе и демократии. Маркс констатирует, что сверх того, что является нормальной, основной прибылью капитала, то есть неоплаченного прибавочного труда рабочего, капитализм обеспечивает себе бесчисленные дополнительные источники прибыли.

Он жульничал и надувал, он даже не платил рабочим договоренного, исподтишка удлиннял рабочий день. Он довел эксплуатацию рабочей силы до такого уровня, который противоречил его собственным основным интересам и закону его роста. Были такие периоды, когда капиталисты не платили даже той заработной платы, которая крайне необходима для поддержания работоспособности, они калечили людской материал. Они истощали и отупляли детей рабочих в такой степени, что это выходило далеко за пределы внутренних потребностей системы и даже противоречило интересам самого капитализма.

Режим демократии, всеобщего избирательного права, народного суверенитета дал бы наемному рабочему возможность защитить себя от таких эксцессов эксплуатации. Возможно, что такой режим позволил бы кое-где осуществить полукапиталистическую, полурбочую организацию производства. Рабочим он дал бы больше сил, физических и интеллектуальных, не нанося ущерба капиталистической эволюции, и это чрезвычайно облегчило бы постепенное возвышение пролетариата, поступательное и мирное установление социализма. Отнюдь не следует думать, что антагонистическое развитие классов представляет собой некую жесткую систему, которую ничто не в силах изменить. Отнюдь не следует думать, что пролетариату безразлично, будет ли капитализм развиваться при режиме демократии или при режиме олигархии или деспотизма! Нет, не верно, будто Революция не была урезана и унижена военным деспотизмом Империи, контрреволюционными поползновениями Реставрации, цензовым режимом Луи Филиппа.

Конечно, буржуазная и капиталистическая собственность, освобожденная Революцией от феодальных и корпоративных пут, развивалась при всех режимах, и никакая реакция не в силах была остановить или отбросить назад это движение. Конечно, буржуазия всегда могла добиться уважения к государственному долгу и известного контроля над государственными финансами необходимого для сохранения ее власти. И если бы политическая свобода и национальный суверенитет не выродились в императорский деспотизм, если бы Революция не колебалась в течение столетия между военной демократией и буржуазной и орлеанистской олигархией и оставалась республиканской демократией, то важнейшие отношения классов и внутренняя структура капиталистической собственности не изменились бы. Но существовала бы узда для эгоизма буржуазии, эксплуатация рабочих была бы ограничена. И необходимая борьба между вынужденно более великодушной буржуазией и более просвещенным и более свободным пролетариатом вернее и более благородным образом привела бы к созданию нового общества, новой формы собственности. Грустью наполняется сердце, когда обнаруживаешь уже в 1791 г. некое начало пролетарского мышления, когда видишь, что уже тогда человеческий разум был занят поисками разные комбинаций с целью смягчения условий жизни пролетариев, и когда думаешь о том, какие всходы могли бы дать эти семена в условиях нормального развития свободной демократии.

Мы не можем утешать себя мыслью, что ужасные страдания перенесенные рабочим классом на протяжении истекшего столетия, были неизбежны, что они были необходимым условием создания нового порядка. Нет, нет, многие из этих страданий были напрасны. Капитализм был бы столь же могущественным и столь же плодотворным, а условия для построения коммунизма были бы реализованы с такой же полнотой, если бы рабочие имели возможность благодаря демократии и Республике защищаться по крайней мере от бесполезных эксцессов класса собственников

Пусть пролетарии никогда не поддаются искушению полагаться только на действие экономического механизма или преувеличивать фатализм классовой организации, пренебрегая теми возможностями действий, которые дают им демократия и свобода. Но нужно ли мне еще раз повторять, что социальный проект Марата интересует меня не сам по себе, а как симптом работы пролетарской мысли, социального брожения, смутно начинавшегося тогда в умах благодаря новой свободе?

«Вчера, — пишет один корреспондент Марата в номере от 25 марта 1791 г., — я находился в лавке патриота Гарена. Один рабочий пришел купить буханку хлеба и подал купон ассигнаты стоимостью 4 ливра 10 су. Пришлось обойти 10 лавок, чтобы его разменять. Наконец, принесли мелких денег, среди которых оказалось несколько фальшивых монет. Огорченный трудностями размена этой небольшой суммы, бедняга тяжело вздохнул и воскликнул: „Как можно жить в стране, в которой мы покинуты теми, кто должен был бы нас поддерживать?“ И добавил, утирая слезу: „Но погодите, они принимают наше терпение за страх. Но нас в Париже 20 тыс. рабочих, сильных и смелых, и придет день, когда мы положим конец всем этим издевательствам. Мы не позволим больше буржуа усыплять нас, как это было до сих пор".»

Это жалкое и неумное проявление классового инстинкта, ибо введение ассигнатов, этого орудия экспроприации церкви, несмотря на трудности и мелкие неприятности, которые оно за собой повлекло, было великим революционным актом. Марат, из ненависти к Мирабо бешено выступавший против ассигнатов, играл в этом случае реакционную роль. Но здесь любопытно то, что страдания народа уже принимают форму классовой оппозиции: рабочие против буржуа.

Двумя годами раньше крестьяне в своих наказах довольно часто говорили о «буржуа» как о новых привилегированных, столь же обременительных для народа, как и дворяне. Но в наказах городов и даже на языке рабочего класса слово «буржуа» в 1789 г. означало революционера, врага дворян и двора. Буржуа противопоставлялся дворянину. Ныне буржуа начинают противопоставлять рабочему, пролетарию. Какое это огромное несчастье, что этот зарождавшийся классовый инстинкт, столь еще хрупкий и слабый, не мог укрепляться и проясняться уже с того времени и на протяжении всего столетия в условиях непрерывного пользования свободой!

МАРАТ и его ПЛАН АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Наконец 5 сентября 1791 г., когда он предполагал отказаться от журналистской деятельности, Марат развивает свой план аграрной реформы. Проект этот предусматривал прежде всего, как я уже указывал, проведение в законном порядке принудительного обмена мелких земельных участков с целью устранения потерь времени и бесполезных трат. «Но для объединения раздробленных и разбросанных земель, что необходимо для того, чтобы земледельцы жили посреди своих полей, а это последнее столь важно как для общего блага, так и для блага частного, надо начать с устранения одного призрака, который эгоизм наделяет именем свободы. Этим словом столь давно злоупотребляют, его смешивают то с прихотью, то со своеволием, что необходимо раз навсегда дать ему точное определение. Делать то, что можно, — это значит пользоваться естественной свободой; делать то, что заблагорассудится, — значит злоупотреблять деспотизмом; делать то, что причиняет вред другим, — значит впадать в распущенность; делать то, что Должен делать, — значит пользоваться гражданской свободой, единственно подходящей для общественного порядка. Итак, обязанности человека в обществе определяются законом. Великой Целью нашей политической ассоциации является общее счастье, и каждый гражданин заинтересован в том, чтобы способствовать достижению этой цели.

Почему это так? Потому что пребывание в общественном состоянии требует, чтобы каждый человек приносил часть своих интересов в жертву общим интересам. За эту жертву он получал взамен покровительство со стороны сил общественного порядка, гарантию своей собственности и своей личной безопасности. Итак, от соблюдения законов зависит сохранение человеком того, что у него есть самого дорогого в мире: его собственности, его покоя и его жизни.

Таковы принципы. А вот их применение к данному случаю. В Англии, где с подлинной свободой знакомы лучше, чем где бы то ни было, хорошо поняли, что для объединения земель путем обменов нельзя давать волю капризам отдельных лиц. Там поняли необходимость предписать проведение соответствующих обменов и определить в законодательном порядке их форму. Такое объединение, называемое the Compact, осуществлялось последовательно уже в течение 50 лет в различных провинциях актами парламента, предписывавшими проведение между владельцами такого обмена, который мы часто наблюдаем здесь, когда крупные фермеры заключают между собой подобные соглашения на время действия и арендных договоров для удобства проводимых ими полевых работ. но такой обмен, не давая никаких преимуществ длительного соглашения, ни для огораживания, ни для систематического улучшения почвы, порождает чаще всего лишь множество споров, внося беспорядок в хозяйства, по истечении срока действия арендных договоров».

Здесь, можно сказать, резюмирована вся теория Революции о законе и собственности. Закон — выражение верховной власти: собственность есть право, коего границы и гарантии определены законом. Закон должен согласовывать индивидуальное право с общим счастьем. Итак, поскольку речь идет о сельской земельной собственности, объединение мелких участков произведет закон, актом власти, в общих интересах.

Марат отнюдь не хочет, чтобы дело ограничилось только этим. Как обеспечить пропитание народа, в частности тех многочисленных батраков и простых поденщиков, судьбою которых он особенно озабочен? Не следует ли актом власти снизить цены на продовольственные товары, на продукты сельского хозяйства? Это значило бы подвергнуть земледельцев риску разориться и лишиться их стимула заниматься земледелием. Но закон спроса и предложения имеет то действие, что цена товара тем ниже, чем больше число продавцов и чем меньше число покупателей. Стало быть, надлежит увеличить число тех, кто продает сельскохозяйственные продукты, а для этого надо увеличить число арендаторов. А этого можно достигнуть, лишь обязав собственников разделить каждую крупную ферму на несколько ферм.

Тем самым многие батраки сразу превратятся в мелких фермеров; численность покупателей уменьшится одновременно с увеличением численности продавцов, и разумное равновесие цен, разумное распределение прибылей от земледелия обеспечат общий достаток.

Таков аграрный план Марата, очень скромный, как мы видим, и весьма осторожный. Отсюда далеко до «аграрного закона», до раздела земель, поскольку речь идет только о разделе аренды с оставлением продукции собственнику. Все же и здесь мы видим вмешательство закона в действие механизма собственности.

«Было бы поэтому, — пишет он, — совершенно необходимо и совершенно справедливо, чтобы закон, предоставляющий собственникам столько выгод в результате уничтожения чересполосицы путем предписанных обменов, обеспечивал бы одновременно и пропитание для всех, заставив всех собственников, которые сами не обрабатывают своих земель, сдавать их в аренду небольшими участками. Когда они увидят, как благодаря объединению их земель уменьшаются расходы по обработке и растут доходы, то я слишком хорошего мнения о своих соотечественниках, дабы думать, что хоть один из них окажется столь бесчеловечным, чтобы жаловаться на то, что закон, который обеспечил бы более равномерное распределение плодов земли путем раздела обработки земли между большим числом семей, лишает в то же время собственника права распоряжаться и сдавать земли в аренду по своему произволу. Неизбежным следствием этого постановления было бы приближение гражданского состояния к естественному путем облегчения обработки земли и более равномерного распределения плодов земли. Другим следствием было бы восстановление равновесия между ценой продуктов питания и сдельной оплатой и, наконец, уничтожение всякой монополии на плоды земли, ибо чем больше будет земледельцев, тем меньше будет поденщиков и их поденная оплата неизбежно увеличится. С другой стороны, чем больше будет земледельцев, тем больше будет конкуренция в продаже продуктов. К тому же сельские жители, обеспечив свое собственное пропитание, окажутся заинтересованными в возможно большей стоимости оставшихся у них излишков, и тогда сама по себе установится свобода торговли зерном».

И Марат, продолжая регламентировать таким образом ведение сельского хозяйства, так далек от мысли об уничтожении права собственности и от требования отчуждения в пользу государства или раздела земель, что он даже надеется посредством своей системы привлечь в деревню и удержать там богатых землевладельцев. «Удобство, вытекающее из устранения чересполосицы, разведение садов, вкус к подлинному наслаждению природой и зрелище счастливой сельской жизни не преминут вернуть ей в скором времени изобилие вместе с богатыми землевладельцами. Мы вскоре увидели бы просвещенных людей, не считающих ниже своего достоинства пахать землю, и благодаря соединению просвещения, теории и практики возможности прогресса в сельском хозяйстве расширились бы бесконечно...»

Жан ЖОРЕС о Ж. - П. МАРАТЕ

фрагменты из «Социалистической истории Французской революции», т.3

Vive Liberta и Век Просвещения 2008 ©

Из главы 4 «СОЦИАЛЬНОЕ БРОЖЕНИЕ и ПЛАН «АГРАРНОГО ЗАКОНА»»

Таковы самые смелые социальные идеи 1791 г.: крупные собственники и мелкие арендаторы. Это не помешало бы даже скупке зерна. Ибо совершенно очевидно, что именно крупные купцы скупали бы и сосредоточивали в своих руках излишки продукции всех этих мелких фермеров.

Следует, однако, отметить, что Марат ищет способ повышения заработной платы поденщиков и батраков. Именно благодаря этим своим чертам, этой заботе о бедняке, о пролетарии он не замедлил приобрести известность Друга народа. И нельзя написать историю пролетариата, исследовать его истоки, уловить его первые содрогания и пробуждение мысли во время буржуазной Революции, если игнорировать воззрения Марата, какими бы ребяческими они ни казались нам сегодня во многих отношениях. Ведь именно в этом несколько ребяческом характере и заключается их истинное историческое значение. Часть пролетариев за 5 лет продвинется вперед от Марата к Бабёфу: это позволяет измерить огромное воспитательное воздействие, которое оказала буржуазная Революция на пролетариат.